

События и персонажи вымышленные. Все совпадения с реальными фактами случайны.

САРДОР

Миниатюрная женщина поставила у стены магазина открытую детскую коляску, взяла на руки мальчика лет четырех-пяти и вошла в торговый зал. Они выглядели живописной парой. Темно-русые волосы красиво облегали аккуратную голову женщины, на затылке они были стянуты резинкой. Гладкий лоб с красивыми бровями, над маской — серьезные и настороженные темно-синие глаза. Женщина была в узких джинсах и свободной майке.

У малыша, который крепко обнимал ее за шею, под шапкой темных кудрей сияло очень светлое личико с распахнутыми черными очами. Женщина, казалось, легко несла ребенка на одной руке: он был очень худеньким. Они останавливались у витрин, она что-то выбирала и складывала в тележку на колесах. Иногда она о чем-то с ним разговаривала, спрашивала, советовалась. Если он хотел посмотреть, женщина ставила его на ножки, как хрустального. Тут же поднимала опять.

Евгения Михайлова

Ирина в то утро торопилась, впрочем, как всегда. Она, почти не глядя, брала продукты с привычных мест, с большим удовольствием кого-то обгоняла, опережала. Скрывала раздражение, если не сразу получалось. Люди так устали не столько друг от друга, сколько от этого нескончаемого, мистического плена. У Ирины за время пандемии выработалась удобная привычка: не видеть никого в упор, не слышать, не принимать и, конечно, не вступать в контакт. Нет, у нее не было безумных фобий. Она просто избегала чужих неадекватных или озлобленных реакций.

Но когда в поле зрения попала эта пара — женщина с большим ребенком на руках, она не сразу смогла отвести взгляд. Что-то очень необычное было в обоих. Они не сливались с обстановкой. Не вписывались в серый ряд людей, существовали в каком-то особом луче святочной картинки.

Ира, обогнав всех, кого хотела, оказалась у кассы, оглянулась и обнаружила, что та женщина, ребенок, их тележка совсем близко, и позвала:

— Эй, идите сюда. Я вам заняла.

Синие глаза вспыхнули удивлением и благодарностью. Женщина с ребенком подошла к кассе. Ира заметила, как она устала от тяжести ребенка, духоты, напряжения.

И тут возник с претензиями пузатый мужик сзади. Завопил насчет «они не стояли», «я был за тобой» и тут же перешел на «понаехали всякие и нарожали»...

Женщина с ребенком уже расплачивалась, а Ира приблизилась вплотную к орущему товарищу и сунула ему под нос какие-то корочки.

— Ты понял? Это «Контрольнадзор». Сейчас только свистну, за тобой придут. Ты уже всех заплывал из-под своей рваной маски.

Идея с «Контрольнадзором» была проверена много раз и осечек не давала. Корочки с красивыми печатями Ире любовно изготовил в единственном экземпляре большой мастер рукоделия оператор Игорь. «Документ» впечатлял, а в данном случае мистификация вообще имела успех. Мужик чертыхнулся и ушел в конец очереди к другой кассе.

Когда Ирина вышла, ребенок уже сидел в своем экипаже. Продукты были уложены в рюкзак за спиной женщины, что-то она пристроила на сетку под коляской.

— Все нормально? — подошла к ним Ира.

— Да, спасибо вам огромное. Меня не столько очереди пугают, сколько оскорбления. Меня зовут Соня. А вас?

Евгения Михайлова

— Я Ирина. А как зовут самого красивого мальчика на свете?

— Сардор. Мой сыночек.

Ирина задумчиво смотрела на своего нового знакомого в коляске. Мальчик был не просто хо-рош. Он был слишком красивым для обычного здо-рового ребенка. Это о чем-то, наверное, говорит: нежное сияние бледной кожи, похожей на дорогой фарфор, тоненькие, хрупкие ножки-ручки. И эта ко-ляска, без которой Соня и минуты ему не дает по-стоять.

Они медленно шли в одну сторону по направле-нию к домам. Говорили об общей ситуации, ценах, качестве продуктов, где что есть хорошего.

— Вы где живете? — спросила Ира, когда они приблизились к ее семнадцатизэтажному дому.

— Там, — показала Соня на кирпичный пяти-этажный дом за кустами и деревьями. — Мы снима-ем комнату. Из Ташкента приехали.

— Это связано с ребенком? — неожиданно для себя самой спросила Ира. У нее было железное правило: не провоцировать ничьи рассказы о себе. Слишком много бед. Все не унесешь с собой.

— Да, — сухо ответила Соня. — Я тут пытаюсь... Прости, не хотелось бы рассказывать так, на улице.

Так мы поехали? Еще раз спасибо большое за поддержку.

— Пока. Увидимся, — произнесла Ира.

Она сделала несколько шагов по направлению к своему подъезду, но вдруг оглянулась и догнала Соню.

— Подожди. Забыла совсем: я же хотела тебе свой мобильный оставить. Вдруг что-то нужно будет. Раз вы снимаете, понабиться может что угодно.

— Как это... неожиданно, — произнесла Соня своим мелодичным голосом. Произношение у нее было идеально правильное. — Знакомых у нас на самом деле практически нет.

— А баба Тася? — вдруг звонко произнес Сардор. — У нас есть тут баба Тася.

— Да, конечно, — улыбнулась Соня. — У нас есть баба Тася, милый. Мы у нее и снимаем комнату, — объяснила она Ире. — И она на самом деле очень любит мальчика. Он ее тоже.

— Отлично, — бодро сказала Ира. — Значит, вы не совсем одни. А я сейчас живу одна. Моя дочка Катя в Самаре у моих родителей. Ей пять лет. Сардору тоже примерно столько?

— Да, — ответила Соня. — Ему четыре года, шесть месяцев и восемь дней.

Евгения Михайлова

— Как это мило, — растерянно произнесла Ира. — А я дни и месяцы так сразу и не посчитаю. Так набирай мой номер, я сохраню твой.

Дома Ира сразу полезла под холодный душ: в Москве стояла тропическая жарница. Существовать можно было при наличии относительно холодной воды из крана и душа, кондиционера и морозилки. Ирина даже мокрые полотенца время от времени клала в морозилку, чтобы потом накинуть на себя и работать. Она была автором и ведущей еженедельной получасовой телепередачи «Взрослым о детях».

В магазин сходила, теперь план такой: приготовить что-то вкусное, поесть, почитать новости в интернете, послушать музыку и как-то правильно подышать, чтобы родились свежие идеи, мысли и незатасканные слова.

Ирине надо было написать сценарий передачи о выборе дальнейшего пути выпускниками школы. О столь непростом выборе в усложненных до критических и драматических параметров обстоятельствах. Съёмки в школе с математическим уклоном через два дня. С ребятами Ира уже познакомилась. Это взрослые, умные, просвещенные люди, которые ярче, честнее, откровеннее и смелее самих себя, какими станут, приобретя тяжкий груз жизненного опыта.

Ирина уверенно и последовательно выполняла свою программу, временами прикладывая кусочки льда из морозилки к вискам, глазам, губам. Все вроде получалось. Она уже видела и слышала свою передачу, ее текст органично звучал в кадре и за ним. И вдруг что-то как будто пронзило ее мозг. Она вновь увидела перед собой эту странную, почти нереальную картинку. Хрупкая синеглазая женщина осторожно ставит на ножки большого ребенка, похожего на нежный цветок. Потом опять поднимает на руки, прижимает к себе... К чему она это вспомнила? Да вот к чему. Отобранные герои передачи Ирины — это сильные, рослые, спортивные ребята и девочки. Им многие препятствия по плечу. А вот такой мальчик, как Сардор, какой у него может быть выбор? Что ему по плечу, этому неземному чуду? Ключевое слово «неземное». Земля — она для тех, кто способен хоть что-то и кого-то себе подчинить. Какая жесткая логика. У Иры даже голова разболелась от этих мыслей. Нет. Должны же быть коллективная сила, коллективный разум, коллективная жалость, чтобы не страдали самые слабые. Должны, но вряд ли существуют в отдельно взятой стране.

Но почему она постеснялась спросить, что с Сардором? Теперь будет мучиться. Ирина решила за-

Евгения Михайлова

кончить работу и позвонить Соне. Но засиделась с небольшими перерывами на кофе до ночи. Закрыла компьютер, посмотрела на часы. Скоро двенадцать. Звонить, конечно, поздно. Тогда завтра.

А в пять минут первого позвонил ее мобильный. Это была Соня.

— Ира, извини за поздний звонок. — Голос у Со-ни был почти спокойный, но она как будто задыха-лась от бега или быстрой ходьбы. — Мне не к кому больше обратиться. Я пыталась сама...

— Что случилось? Где вы?

— Мы на улице. На тротуаре между нашими до-мами. Там, где стоит зеленая будка. Мы тут уже час, ждем «Скорую», но никто не едет. Я сегодня работа-ла поздно, позвонила домой, что уже возвращаюсь. А наша хозяйка Таисия Ивановна вышла с Сардором в коляске меня встречать. Мальчик никогда не спит, если меня нет. И такая беда. На них налетел парень на электросамокате. Сардор вылетел, ударился го-ловой, ручка, говорит, болит, но ничего. А Таисия Ивановна встать не может. Острая боль. Мне ка-жется, у нее перелом шейки бедра. Я сразу вызва-ла «Скорую», потом еще звонила раз пять. Никого. Я подумала, может, мы как-то сумеем добраться до-мой. Я бы Таисию смогла поднять, наверное. А ты

бы коляску повезла. Она целая. Если, конечно, такое возможно. Я не обижусь ни в каком случае.

— Господи, да о чем ты. Я иду. Только задержусь минут на десять, чтобы позвонить нормальным людям, которые смогут все организовать и прислать помощь. Нужны ведь две машины? В больницу с хирургическим отделением и в педиатрию, так?

— Нет, только первое. У Сардора нет переломов, серьезных повреждений. Таисия всегда боится, чтобы он не простудился, и даже в такую жару напяливает на него толстую шерстяную шапку. Это помогло. Сейчас ему нужна только я. А Таисию — да, в хирургию.

И вновь посреди ночи сердце Ирины пронзила яркая, драматичная картина, которая не вписывалась в ее опыт. Под светом фонаря тоненькая женщина крепко прижимала к себе ребенка, по светлому личику которого ползла струйка алой крови. У ее ног лежала грузная седая женщина и быстро говорила хриплым голосом между стонами:

— Ничего, моя деточка. Не бойся, Сардор. Нас заберут отсюда. Ты только не переживай. Мне не очень больно. О-о-о-ой, Сонечка. Они уже едут, наконец?

— Они едут, — подошла к ним Ирина. — Потерпите минут пять, Таисия Ивановна. Все будет хорошо.

Евгения Михайлова

Машина «Скорой» остановилась рядом через несколько минут. Оттуда вышел заведующий хирургическим отделением Николай Петрович, который был постоянным консультантом-экспертом в передачах Ирины. Его сотрудники переложили Таисию Ивановну на носилки.

— Я считаю, нам нужно обследовать ребенка, — произнес Николай Петрович, пристально глядя на Соню, которая прижимала Сардора так отчаянно, как будто боялась, что его вырвут у нее.

— Спасибо, — проговорила Соня. — Но моему сыну сейчас необходимо попасть домой, лечь в постель, принять свои лекарства. Ему нельзя волноваться, тревожиться, бояться. Я хорошо его осмотрела. У Сардора нет серьезных повреждений от падения. Но у нас большая, огромная проблема, с которой надо справляться самим каждую минуту. У мальчика «дырявое сердце», вы же понимаете, что это такое. Никто не берется за операцию.

— Да, конечно, — немного растерянно произнес Николай Петрович. — Врожденное отверстие в межпредсердной перегородке... Что говорят специалисты?

— Что операция невозможна. У нас не одно отверстие, а пять. Они говорят, что это была бы не опе-

рация, а многочасовой эксперимент, который к тому же слишком дорого стоит. И что Сардор не вынесет этого. У него было четыре клинические смерти. Он возвращался только на мой голос.

Николай Петрович внимательно посмотрел в решительное лицо Сони и повернулся к Ире:

— Ирина, тут мать, наверное, права. Давайте мы вас довезем хотя бы до дома.

— Спасибо большое, Николай Петрович, — сказала Ира. — Их дом там, за деревом. Нам легче дойти пешком с коляской, чем загружаться в машину. Мне можно будет навестить Таисию Ивановну?

— Конечно. Только со звонком. И лучше уже после операции. Будем на связи. А ребенка берегите. Под самокаты не надо попадать. К сожалению, это все, что я могу посоветовать.

Квартира Таисии Ивановны была двухкомнатной, чистой, очень скромно обставленной, но уютной. Красивые занавески на окнах, симпатичные светильники, кружевные салфетки ручного плетения.

Соня положила ребенка на диван в гостиной и, кажется, забыла об Ирине. Она совершенно выпала из действительности как отдельный человек. Соня стала действием, силой свыше, ангелом спасения Сардора. Ирина почти с благоговением смотрела,

Евгения Михайлова

как нежно мать освобождала сына от одежды, как спокойно и ласково объясняла ему, что случилось, как им нужно сейчас поступить. Как ему следует дышать, как поможет теплая ванна, как станет лучше от лекарства, какой вкусный ужин Соня приготовит на тот случай, если ему захочется есть. Ребенок дал посмотреть свои ушибы, четко объяснил, где и как болит. У этого малыша была прекрасная дикция и такое умение ясно выражать свои мысли, какое у взрослого редко обнаружишь.

Пока Соня с Сардором были в ванной, Ира позвонила Николаю Петровичу и узнала, что они уже на месте. Таисию Ивановну устроили в маленькой одноместной палате. Боль сняли, она уснула. Рентгент и все, что требуется для операции, оставили до утра.

— Как ребенок? — спросил Николай Петрович.

— Мне кажется, неплохо, — ответила Ира. — Он даже немного порозовел, когда Соня его уложила, осмотрела. Какой-то удивительный ребенок: он совершенно спокойно, четко, ясно отвечает на вопросы. Соня права: сотрясения мозга точно нет. Его не тошнит, он даже собирается поесть после ванны и лекарств.

— Это хорошие новости. Я желаю этим двоим хорошей ночи. Для них часы и минуты важнее, чем

для большинства людей. На всякий случай оставьте матери мой телефон. Не мой профиль, но если что-то срочное, вдруг чем-то помогу.

Ирина попрощалась и вдруг даже не задумалась — застыла, как на ветру. Врач ведь сказал буквально следующее: минуты и часы Сардора очень важны, потому что их у него мало... И это для врача очевидно. И даже на него эта невероятная пара произвела сильное впечатление.

Самое острое и болезненное чувство — это сопереживание. Его труднее всего переносить, потому что настоящая жалость — она не для демонстрации, это твое личное дело, ее нужно умело скрывать, чтобы никого не унижить, не оскорбить ничьих надежд, не порадовать чужую беду.

Когда Соня вынесла из ванной Сардора в пушистом полотенце, Ирина весело помахала им из кухни:

— А я тут все нашла. И чай заварила, и даже сырники начинаю печь. Как вам такое?

— Отлично. Спасибо, — сказала Соня. — Нам еще нужно минут двадцать, чтобы все правильно сделать. Если Сардор после лекарства уснет, мы с тобой съедим твои сырники.

— Я не усну. Я буду. — Голосок Сардора был тихим, хрустальным и как будто треснутым.

Евгения Михайлова

У Иры заныло в груди, когда она представила маленькое детское сердечко, пробитое пятью пулями злой судьбы.

— А никто без тебя и не собирается ничего есть, — бодро произнесла она.

Это была странная ночь — без времени. Ирина что-то делала на кухне. Просто сидела, стояла, смотрела в темный двор с какой-то бутафорской луной над деревьями. Она ни о чем не думала, не ждала, не торопилась. Ей совершенно не хотелось домой. Ирина была уместна именно здесь, сейчас, при нужном деле. Вот она сторожит свои сырники, закутанные в полотенце, чтобы не остыли. Ей так хочется покормить и развлечь этих двоих, скрасить их одиночество в мире здоровых, толстокожих и безразличных людей.

Соня пришла в кухню одна.

— Сардор уснул, — сказала она. — Кажется, сегодня пронесло.

— Ты говорила, было четыре клинические смерти...

— Да, мальчик четыре раза умирал, нас забирали в реанимацию, я умоляла оставить меня там с ним. Мне разрешали постоять за дверью, и так везло... Всякий раз, когда врач говорил, что реанимационные действия уже бесполезны, мне удавалось туда про-

рваться... Я просто брала его за ручки и звала... И он возвращался. Ты можешь мне не верить. Мне даже врачи, которые это видели, говорили, что никогда бы не поверили, если бы это не произошло на их глазах.

— Я не сомневаюсь, — сказала Ирина. — Разумеется, я верю. Я это почувствовала даже в магазине. Поймала на расстоянии эту невероятную связь двоих, которые спасают друг друга. Соня, вы оба так красиво говорите по-русски. Вы на самом деле живете в Ташкенте?

— Да, я там родилась. Сардор тоже. Но моя семья из Москвы. Родные оказались в Узбекистане в эвакуации во время войны. А потом так получилось, что не смогли вернуться. Я училась в Москве, в педагогическом, на факультете русского языка и литературы. Приехала к родителям, а меня там уже сватали. Мой муж Умар — сын друга отца. Тебе это покажется диким, но папа как бы ему пообещал. Так я вышла замуж. Опущу подробности, но муж сразу поставил крест на моей работе. Зато родилось солнышко — Сардор, и это все оправдало, даже тяжелый характер мужа и мою к нему нелюбовь.

— Как твой муж воспринял болезнь Сардора?

— Как примитивное и жестокое существо. Это бракованный сын. У нас могут быть другие, здоро-

Евгения Михайлова

вые, нормальные дети, мы не должны тратить на это беспомощное недоразумение ни деньги, ни свои жизни. В тот год, что мы жили вместе, он ни разу не подошел к ребенку.

— И ты уехала...

— Да. Оформила всякие направления в московские клиники и институты. Но они вообще не сработали. В лучшем случае мне объясняют, что операция невозможна и что она по организации и затратам только лишит надежды тех детей, у которых реально есть перспектива. Но я продолжаю обивать пороги. Я скажу тебе, о чем я мечтаю. Для меня было бы великим и единственным счастьем, если бы мой мальчик прожил хоть год, хоть месяц совсем без боли. Он ведь лучше всех. Он — божество, которому я хочу просто служить. Это и есть смысл моей жизни.

Ирина была потрясена силой и неукротимостью этого чувства. Понятно, что дитя возвращается из-за грани на этот голос.

— На что вы живете? Муж помогает? — буднично спросила она.

— Я даю объявления по интернету. Частные уроки, подготовка к институту. И все, что придется. Этим вечером я мыла лестницы в одном доме. А муж... К сожалению, он нас нашел. Иногда приез-

жает, требует, чтобы я вернулась. Ему все равно как. Одна или с сыном.

Ирина ничего не услышала, но Соня сорвалась с места и на ходу объяснила:

— Сардор зовет.

Вернулись они вместе. Мальчик, розовый со сна, с ясными черными глазами, как будто омытыми росой, в белой пушистой пижамке, казался чудесным ночным видением.

— Ира, — четко и ласково произнес он своим прелестным голоском, — давай твои сырники. Я помню. Я нечаянно уснул. И мы с мамой тебя любим. Когда ты привезешь нам бабу Тасю?

— Как только врач разрешит, — отчиталась Ира. — Я ему звонила, он сказал, что завтра ей сделает операцию, исправит косточку, которая сломалась. Мы ее заберем, когда ее немного полечат.

— Хорошо, — серьезно ответил Сардор.

Ира вернулась к себе к утру. Когда ребенок окончательно уснул после позднего перекуса, она еще долго говорила с Соней. Нужно срочно спать, завтра столько работы. Но она еще долго бродила по квартире, пытаясь ослабить путы того особого, яркого и трагического мира, в плену которого оказалась.

Евгения Михайлова

На следующее утро ее как будто разбудил собственный голос, который произнес два слова: Леон Петров. Это самый известный детский кардиохирург и руководитель клиники, в которую очень трудно попасть.

Ира вскочила, приняла душ, сварила черный кофе и села за компьютер. Прочитала биографию Петрова, нашла информацию о его семье. Так, есть. У Леона Артуровича внук — старшеклассник. Ира нашла его фотографию в Инстаграме. Красивый мальчик. Теперь нужно уточнить, в Москве ли он. Может быть в колледже Лондона, Нью-Йорка, еще где-то... Пишут, что в московской школе. Но Ира еще позвонила разным знакомым, которые знали эту семью: да, Артур, которого называли в честь прадеда-академика, живет и учится в Москве.

Ирина сначала позвонила режиссеру и редактору, сказала им, что передаче чего-то не хватает и у нее идея. Снять в этой передаче сына или внука очень знаменитого и востребованного врача не в первом поколении, чтобы немного поговорить о семейных династиях: хочет ли современный подросток продолжать трудное дело или его, к примеру, больше привлекает бизнес, как прямой путь к успеху. Коллеги, как всегда, с ней согласились.

— Мне такого искать? — спросила редактор Света.

— Нет, я точно такого, как хотела, нашла. Это Артур Петров, внук детского кардиохирурга. Просто я сначала поговорю с Леоном Артуровичем, получу его согласие, потом тебе перезвоню.

Дозвониться до Петрова оказалось совсем просто. Ирина объяснила причину и добавила:

— Мне бы очень хотелось поговорить с вами еще до встречи с вашим внуком. Если вы в принципе не возражаете против самой идеи. Мне нужно почувствовать дух семьи, что ли.

— Я не возражаю, разумеется, хотя Артур у нас все решает сам. Скоро шестнадцать, это вам не хуры-мухры. Но если хотите встретиться со мной — пожалуйста. Мальчик у нас непростой, я мог бы подсказать, какие вопросы его больше всего волнуют.

— Спасибо огромное. Когда?

— Да хоть сегодня. У меня будет часовой перерыв между операциями после четырех.

Ирина много раз видела Леона Петрова по телевизору и на фото. Он обычно улыбался, говорил скупо: только информация и позитивная сторона своего дела. Ничего заумного, никаких подробностей и дань

Евгения Михайлова

не очень частым, но очевидным успехам. Ирина запомнила одну его фразу из интервью:

— Такое получилось разделение труда. Нам достаются только самые сложные случаи. А они не оставляют возможностей для разговоров. Так что — труба зовет.

Человек, который встретил ее в кабинете главврача и директора клиники, был не таким крупным, каким казался в кадре. Не таким уверенным и совсем не таким спокойным. В глубоких морщинах на лбу — темные тучи забот и тревог. В пристальном взгляде небольших глаз что-то вроде настороженности. А улыбнулся Леон Артурович хорошо, крепко сжал в больших теплых ладонях обе ее руки.

Секретарша принесла им две большие кружки капучино и ароматное печенье с корицей.

— Люблю детскую еду, — сказал Леон Артурович. — Успокаивает. Так о чем вы хотите поговорить с Артуром?

Ирина объяснила. Ее собеседник задумался, а потом произнес:

— Это интересная мысль, конечно. Я бы за Артура не взялся отвечать. Мальчик на распутье, а мы не хотим ему ничего навязывать. Дело в том, что его мать, моя дочка, в его возрасте уже точно знала, что

работа врача — ни за что. «Никогда я не буду работать там, где каждый день смерти. И жить так, как вы с мамой, не смогу. У нас в доме столько чужого горя». Варя и ее муж экономисты. Так что Артур вполне может выбрать бизнес. Там свои опасности, но это выбор человека.

Они очень интересно, плодотворно пообщались. Ирине нравились мужчины, которые с такой любовью говорят о детях и внуках, так тонко их понимают. И она сказала об этом Леону Артуровичу.

— Да, — рассмеялся он. — У нас с Артуром полное понимание. Почти. Часто после разговора с внуком я лезу в Гугл, чтобы узнать значение тех слов, которые сыплются из него, как пух с одуванчика. И чаще всего обнаруживаю, что очередное птичье и дурацкое слово имеет вполне ясный и приличный синоним, который плох лишь тем, что родился раньше мальчика и его друзей. А теперь, моя дорогая, скажите мне, зачем на самом деле вы пришли. С внуком мы вопрос решили.

Ирина вздрогнула и даже побледнела от неожиданности.

— Я понимаю, Леон Артурович, что к вам подбираются под разными предложениями. Но у меня на самом деле срочная передача, и ваш внук для сюжета

Евгения Михайлова

и вывода нам очень нужен. Независимо ни от чего. А просьба на самом деле есть. Все никак не могла найти момент, чтобы ее озвучить.

— Ирина, просьбы, мольбы и часто требования с угрозами — это и есть моя жизнь между операциями. Вы разумный человек, я сразу скажу вам, как все обстоит. Я вынужден отказывать в девяноста девяти случаях из ста. Да, еще девяносто девять сотых. У нас небольшой коллектив, тщательно отобранные специалисты, каких много не бывает на земле. Мало коек, проблемы со всем, включая препараты, которые надо добывать. Я сам оперирую все меньше: собственное сердце стало сдавать. Мы берем лишь такие случаи: без нас погибнет, с нами сможет жить долго и счастливо. Я доступно объяснил?

— Более чем. Наверное, мне озвучивать свою просьбу бесполезно...

— Кто-то в семье? Ребенок?

— Нет, моя дочь здорова. Просто невероятный случай, мое потрясение. Я недавно даже не знала о существовании этого ребенка. Но не буду больше вас задерживать.

Ирина встала, надела дежурную улыбку и начала прощаться.

— Подождите, — вдруг задержал ее руку Леон Артурович. — Расскажите. У меня есть еще время.

Ирина на одном дыхании выпалила все, что знала о неземном мальчике Сардоре. Все, что чувствовала и думала. Показала копии документов, которые взяла у Сони. Петров ее не прерывал. Слушал молча. Посмотрел, нахмурившись, на снимки рентгена и выписки истории болезни.

— А теперь давайте я скажу, — произнес он. — Я все понял. Тот ваш врач был прав: скорее всего, ребенок нежизнеспособный. Мы никогда не делали настолько усложненной операции на перегородке... А давайте попробуем. Я только поговорю с одним моим хирургом: он молодой и отважный. Если согласится — я вам позвоню.

— Я не знаю, как вас благодарить... — растерянно произнесла Ира.

— И я тут ничего не знаю. Но сказать, что на меня подействовало больше всего? Мечта матери, чтобы ее сын узнал жизнь без боли. Мне вдруг самому так этого захотелось... А я очень давно не мечтаю. Да, как я понимаю, денег у матери нет. Мне понадобится время и на то, чтобы решить вопрос с благотворительными фондами. Речь о серьезной сумме.

— Я... тоже. Сколько смогу.

Евгения Михайлова

— Вы столько не сможете. Поберегите ваши деньги. Если у нас что-то получится — устройте праздник своему странному протезу. Игрушки, фрукты, все, что любит. Да, обязательно несколько пар очень теплых тапочек. Ножки должны быть в тепле. Как только я решу свои вопросы, вам позвонит Игорь Сергеевич Володин, хирург, сообщит, когда сможет принять ребенка на обследование. Это будет уже в стационаре. Он и назначит операцию... Я очень надеюсь, что он возьмется. Освобожу его от других пациентов. Документы оставьте.

Соня не могла произнести ни слова. Она выслушала Ирину, опустилась на табуретку в кухне и просто смотрела на нее такими огромными, потрясенными глазами, что Ира чуть не утонула в этих синих озерах.

— Ты только успокойся, — произнесла Ирина. — Не начинай себя накручивать. Мне тоже страшно. Но и надежда появилась. Проблем до операции много, нам нужно будет ждать и готовиться. Мы сделаем так, как я поступаю, начиная работу в новой интернет-программе. Просто выполняем команды и продвигаемся вперед. Ты согласна?

— Да, — прошептала Соня. — Скажи первую команду.

— Я скажу две. Первая — расслабиться и развлечь ребенка. Затем начинать его готовить. Объяснять, что он будет в клинике, в руках очень хороших людей, что операция — это не больно. Он просто уснет.

— Меня туда пустят?

— Я рассказала главврачу о том, что вас нельзя разлучать. Но хирург будет другой. Я поговорю с ним. Да, есть и третья команда: нам скоро забирать Таисию Ивановну. Нужно купить ходунки и всякое другое: мне врач продиктовал по телефону. Это тоже вас немного отвлечет.

— Да, конечно. — Соня облегченно вздохнула: значит, до их рокового события есть еще время на другие дела. — Я все помою, постираю, придумаю, что приготовить.

— Чур, готовлю я, — заявила Ирина. — Меня именно это отвлекает от всего.

— Хорошо. Спасибо. А Сардор сказал вчера, что к приезду бабы Таси он нарисует картину.

— Это вообще блеск. Я бы никогда не догадалась нарисовать картину. Да и не смогла бы. Не говоря о том, что Таисии Ивановне нужно, чтобы нарисовал именно Сардор. Ты немного пришла в себя?

— Я очень стараюсь, — ответила Соня. — Но, разумеется, я все буду делать как надо.

Евгения Михайлова

К возвращению Таисии Ивановны квартира благоухала и сияла чистотой. В кухне Ирина накрыла стол, расставила тарелочки с салатами из овощей и фруктов. Сардор ей сказал, что баба Тася очень любила авокадо, а это самый удобный компонент для любых салатов. В качестве горячего блюда Ира после совета с Сардором выбрала пожарские котлеты, старый рецепт которых нашла в интернете. Куриный фарш, яйцо, мелко порезанный чеснок, сливочное масло, сливки и батон, размоченный в молоке. Все это обвалить в сухариках. Получилась красота и, как сказал Сардор, «большая вкуснота». Котлеты ждали в духовке, осталось только разогреть. Соня купила белые розы и бутылку шампанского. Они с сыном ждали свою бабу Тасю дома.

Ирина с медсестрой из отделения Николая Петровича помогли Таисии войти в квартиру. Довели до ее комнаты, уложили отдохнуть на диван. И тут она увидела большой лист картона на стене. Это была картина Сардора. На фоне белых и темно-синих облаков парил силуэт женщины в багровом наряде с развевающимися белыми волосами. Она протягивала вперед руки, ее глаза смотрели вверх... А там, в самом углу картины, стоял маленький человечек с копной темных кудрей. И под ним подпись САРДОР.

— Боже! — воскликнула Таисия Ивановна. — Что это за красота такая? Где мой любимый художник? Мне надо быстро его поцеловать.

Тут Сардор и выскочил из-за шкафа, где ждал свою музу. И побежал к бабе Тасе легко, почти как здоровый ребенок. Эти двое обнимались, будто после долгой разлуки. Удивительная способность ребенка — отмечать своей горячей любовью тех людей, которых он сам принимает в круг родных. Ире пришлось отвернуться, чтобы никто не увидел ее мокрых глаз. Они ведь сегодня собирались только веселиться.

Они праздновали. А потом пошли достаточно тяжелые будни: Таисия училась пользоваться ходунками, пыталась сама себя обслуживать. Соня рассказывала Ирине по телефону, как ей в этом помогает Сардор.

— Ты не представляешь. Я сама такое не могла бы представить. Он ее умывает, горшок за ней выносит, пытается кормить с ложечки, хотя она и сама может есть. Говорит: «Тебе нельзя тратить силы. У тебя есть Сардор».

— Когда речь о Сардоре, — произнесла Ирина, — я могу себе все представить. Даже самое невероятное. А я как раз собиралась сказать... Мне по-

Евгения Михайлова

звонил хирург Игорь Сергеевич. Он ждет Сардора в клинике через три дня. Операция будет тоже скоро. Он уточнит.

— Господи, нам же нужно собираться.

— Да. Я помогу. Соня, хочу тебя предупредить. Этот хирург достаточно суровый человек. Я начала разговор о том, что ты должна быть с Сардором, он даже не стал это обсуждать. Что-то сказал про одинаковые правила для всех и разъединился. Торопился очень. Но ты не начинай волноваться, мы все решим. Я еще раз поговорю с Леоном Артуровичем.

Через три дня они приехали в клинику. Соня неслла сумку с вещами мальчика, Ира держала в руке пакет с тапочками — пушистыми, мягкими, с мордочками животных сверху. Три пары: кролики, котки и собачки. Руки у Иры дрожали. Сардор шел сам. Их провели в закрытый отсек на третьем этаже. Там одна маленькая палата — для Сардора. Операционная напротив — по диагонали. Их встретил высокий человек: из-под шапочки хирурга видна прядь светлых волос, а глаза неожиданно темные и холодные.

— Добрый день, — произнес он. — Я Володин Игорь Сергеевич, хирург. Надеюсь на разумное сотрудничество. — Он требовательно посмотрел на Соню. Затем наклонился к Сардору и протянул ему

руку: — Будем знакомы, Сардор. Для тебя я просто Игорь. Мы с тобой мужчины, и мы должны быть вместе в этой борьбе. Ты меня понял?

— Да, — мягко ответил Сардор. — Я буду с тобой в борьбе.

Хирург так быстро ушел, что Ира не смогла с ним поговорить о том, чтобы Соня осталась.

— По крайней мере он не сказал, чтобы ты уходила, — постаралась бодро заметить она.

Они вошли в палату, где санитарка стелила белье на кровати у окна. Она показала им тумбочку и шкаф, куда можно повесить одежду Сардора.

— Я его мама, — сказала ей Соня. — Я с ним останусь?

— Такое я не решаю. Раз доктор не велел тебе уходить — побудь. Он скажет, если что.

Соня осталась раскладывать вещи, передела Сардора в пижаму, которую они принесли с собой. Ира шепнула ей «будь на связи» и отправилась в кабинет Петрова. Удачная, как ей казалось, идея осенила ее буквально сейчас.

Леон Артурович был у себя, отмахнулся от горячих выражений благодарности:

— Давайте без этого, ладно? Там все в порядке? Ребенка устроили, с хирургом познакомились?